

Немирович-Данченко В. И. Кавказские богатыри. Часть третья. Победа!
-- М.: Издание редакции журналов "Детское чтение" и "Педагогический
листок", 1902. -- С. 45. //

FB2: "rvvg ", 23 September 2013, version 1.0

UUID: 07F2C404-9495-4B21-B9B2-A0ABDA04D5FF

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Иванович Немирович- Данченко

Опять в Салтах

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#3)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Опять в Салтах**

Степан Груздев давно уже замечал, что горцы что-то скрывают от него.

Русского пленного, когда старики собирались в джамаат, начали даже приковывать на цепь, чего давно с ним не делали...

Уже выздоровевший, после недавней попытки — неудавшейся, впрочем — уйти в Турцию, — старик Гассан, пленником которого Груздев считался, даже не старался извинить себя. Прежде он говаривал в таких случаях:

— Ты воин, а не баба. Только бабу можно удержать в плену хорошим обращением. Мужчину одни цепи остановят от побега.

Теперь же он только жался, хмурился и коротко говорил:

— Ложись, кунак, — ковать тебя велено!..

— Кто велел-то? — спрашивал Степан Груздев, вполне понимая, что сам Гассан на это не пошёл бы.

— Кто велел?.. Мулла велел... Я тут не причём. Селтанет даже плакала. Она тебя любит.

— Баба ласковая, что толковать, — одобрил её Груздев. — Одно — по вашему обычаю, хлибка больно...

Степан Груздев только головой покачал, по-видимому не обращая никакого внимания на то, что старик замыкал в это время замки его цепей...

«На пёсьем положении, с чего бы это?» — рассуждал Груздев...

Но как-то утром пришла к нему Селтанет, — на ней лица не было... Долго она ходила вокруг него, видимо, хотела расспросить о чём-то и не решалась.

— Урус... Эй, дядя Иван, ты не злой, хороший... Скажи мне... Только отцу не болтай, слышишь...

— Да что? Ты толком говори... Иван, Иван... Сказывал я тебе, что Степаном меня крестили...

— Ты — храбрый джигит... Когда тебя в плен взяли, у тебя на груди серебряный знак был даже...

— Не улещай, не улещай... Чего надо-то?.. И без тебя знаю... За Ильгеринское дело Егория получил. Здорово мы вас тогда раскатали... Едва ноги унесли ваши...

— Я знаю, что ты храбр... Скажи, — неужели русские могут взять Салты? Ну, вот... поло-

жим подошли ваши джигиты... неужели они доберутся до нас?.. Ведь, у нас и девушки защищаться будут. Все возьмут ружья и кинжалы...

Степан Груздев вдруг за сердце схватился... Оно у него забилося с болью... И волнение он боялся выдать, и радостно ему было... Он принудил себя насупиться и сурово посмотрел на глазастую женщину. И вдруг заговорил по-русски, забыв, что она не понимает этого языка.

— Ах, ты, сорока-сорока!.. Ну, чего тарацишься?.. Большая выросла, а глупее воробья малого... Да разве есть на свете такие места, куда бы наши солдаты не взошли?.. Дура ты дура!.. Ты таперчи подумай — сыграл горнист сигнал: «ребята храбрые вперед, — дирекция направо!» (и для пояснения, он протрубил ей это в кулак). Что ж, мы стоять будем?.. Должны мы при этом случае присягу сполнять?.. Ты Ахульго знаешь?.. Почище ваших Салтов будут... А мы какими орлами с сердарем Ермоловым влетели туда! Нам, брат, рассуждать не полагается... Скомандовали, — и кончено! Мало ли чего нельзя, как барабаны вдари-

ли, — и можно... То-то!

Потом, опомнившись, он перевёл ей, это по-аварски.

— Ну, а что русские солдаты делают, когда они ворвутся?

— Боем? То есть, по согласу, или силком?

— Нет, после сражения?

— Беда вам тогда: от аула одни головни останутся. Ни единой целой сакли. И зверю, и птице небесной деваться некуда... Гимры мы под корень срезали, Баязетли — точно бритвой... Где стоял Сурхан, — голый камень теперь... Ну, а если добром — с хлебом и солью — первые друзья! Пальцем не тронем, не только что...

— Ну, а с женщинами и девушками как?

— С бабой русский солдат не сражается... — и он засмеялся. Ему с каждым мигом делалось всё веселее. — Вот погоди, — скоро и до ваших Салтов доберутся... Так ты и знай — чуть что, сейчас сюда с Аслан-Коз. Я вас спасу. Не то — пропадом пропадёте... Да гляди — не дури! За кинжал не хватайся... Тихо, смиренно веди себя. А там уж моё дело — приберечь вас... Наш солдат добёр, только ты не дразни

его, а то как расколыхаешь, так он и тебя штыком ткнёт. С ним тоже шутки плохие... А ты вот что скажи мне, Джансеида хочешь увидеть?

У той только глаза засверкали в ответ. Она отвернулась к окну сакли, в которое зеленела ветка карагача, и голубело вдали безоблачное небо.

— Вижу, — хочешь... Мы тебе всё это обляпаем. На меня надейся: я тебя не выдам! Только надо мне знать, — что у вас на джамаате задумали... Всё едино — я помешать не могу...

— Ничего не задумали. Русские близко... Ильгеринские прошли... Две башни у Субархинского моста взяли и снесли прочь... Теперь к нам подвигаются...

Страшно хотелось Степану «ура» крикнуть, да во время поостерёгся.

— Ну, а вы что дорогим гостям готовите? Какое угощение?

— Пули льют, смолу варят... Ежели они в аул ворвутся...

— Будь спокойна, — раз уж пришли, так ворвутся. Это как пить дать... Они не шутят, наши... Даром тоже гулять в горы не ходят. Эх

вы, азия!.. Теперь одно скажу: если не покори-
тесь, хвоста от ваших Салтов не останется..
Не гляди, что в поднебесье забрались. Куда
орлу дорога, туда и солдат придёт... Не удер-
жишь его...

Вечером, в этот день — старик Гассан цепи
надеть надел на Груздева, но приковать его
забыл к стене... Солдат, благодаря этому, мог
выползти из сакли и усесться в свой люби-
мый уголок, где гряда скал нависла над без-
дной. Туман уже курился оттуда, переполнен-
ный запахом цветов, дымом кизяка. Туман
мало-помалу и ущелья заполнял, медленно
цепляясь вверх по их скалам и откосам. Гор-
ные вершины величаво плавали в целом мо-
ре жёлтого, умирающего света. В рубиновом
блеске сияли их утёсы... Чу! Что это? — Заку-
рился дымок на одном. На некотором расто-
янии повторилось то же... Вон на другой вер-
шине тот же дымок — тонкою струйкою вы-
тянулся вверх и стоит, не рассеиваясь в
недвижном воздухе... Степан Груздев сообра-
зил, что огня в заревом блеске не увидать всё
равно... А дымок подымается на тех местах,
где стоят сигнальные столбы, обвитые соло-

мой... Горцы, значит, дают знать окрестностям, что враг близко. Он уже ворвался в этот горный и считавшийся неприступным край... «Помогай, Боже! Помогай, Боже!..» — и в умилении, забыв, что сигналы эти вражьи, Степан Груздев назвал даже их «Господними свечками»... «Что свечки воска ярого горят... Горят, горят... Голубчики!.. На выручку»...

Гасло мало-помалу рубиновое пламя ледников и утёсов, блек, темнел жёлтый фон чистого заката, ночь ползла с запада, спокойная, прохладная, молчаливая, со своею мистической тьмою... И как только погасла одна гора, Степан Груздев вместе с дымком сигнального столба увидел под ним и крохотный огнистый след...

— Жгут, жгут!.. — бессмысленно повторял он, радуясь близости своих.

Вверху на джамаате тоже заметили, — шум и говор донеслись оттуда... Шум и говор росли... Очевидно, между стариками подымался спор, — и отголоски его по узеньким, похожим на ложа горных потоков, улочкам, как в трубу раздавались сюда.

«Ну, до греха — домой уйти!» — сообразил

Груздев.

Он вернулся в саклю и прилёг к той стене, к которой должны были приковываться его цепи... Ему недолго пришлось лежать. В дверях блеснул факел. Показался угрюмый Гассан.

— Спишь? — коротко спросил он у солдата, не входя в саклю.

— Спал... А теперь ты разбудил. Чего ещё?

— Так... Я ничего... Ты молишь своему Богу!..

— Я всегда молюсь. Я, брат, Бога вот как помню... Нам Его забывать, Милостивого, не приходится.

— Вот, вот! Ты проси Его, чтобы русские стороной прошли мимо Салтов.

— Какие русские? — притворился Груздев ничего непонимающим.

— Русские идут сюда, ваши... — угрюмо сообщил ему Гассан. — Ильгеринские леса прошли... Башни у Субархинского моста тоже. Мы не знаем, куда ваши направятся... Может быть, и не к нам... Но только если сюда, так на джамаате решили, — отрубить тебе голову и послать её к вашим...

— Гостинец! — усмехнулся Груздев. — Ну, что ж, помирать, так помирать... Попа нет — отысповедаться. Да Господь простит. Мученическая смерть — то же причастие святых Его Таин... Так и скажи своему джамаату, — перешёл он на лезгинский язык, — плевать-де Груздев на вас хотел и смерти не боится... А от вашего поганого аула не останется и на воронье гнездо соломы... Наши добры-добры, но при случае и грозны бывают.

Гассан ещё раз кинул на него мрачный взгляд и пошёл прочь...

— Молись!?. Мы молиться не забываем... А только не за себя, а за то, чтобы помог Господь милостивый разбойный аул ваш снести прочь... А там будь, что будет!..

И он повернулся к стене и заснул было, — только сон бежал от него прочь.

Сегодня и пол сакли казался ему слишком твёрдым, и ночь не приносила с собою прохлады... В ауле вверху всё смолкло... Собаки ещё лаяли с плоских кровель, да и они скоро заснули. Стало тихо, так тихо, что сухой звон цикад снизу доносился ясно и резко, точно это было рядом. Пташка шелохнулась на вет-

ке у окна, и это расслышал Груздев. Он тихо поднялся. Что-то молнией блеснуло у него в голове... Грудь заходила, в висках застучало. Он поднял свои цепи и, чтобы не делать шума, вышел с ними, старательно переставляя ноги, — не зазвенело бы невзначай... Положим, около — никого, да ночью каждый звук снизу вверх не пропадёт. Ещё сверху не долетит, — а вверх, как воздушный пузырёк в воде, так и подымет. Где-то со сна тявкнула собака, — и опять безмолвие... Ни зги не видать. Всё небо в звёздах, — а внизу тьма крошечная... Млечный Путь выступил — ангельскою дорожкой считал его Груздев... Так выступил — простым глазом различишь его несчётные звёзды... «Что ж, — если и поймают, всё равно голову срубят... Русские покажутся, — тоже башку долой... Одно на одно... Так сем-ка я им навстречу, голубчикам. Всё путь покажу... А что они сюда идут именно, — куда же иначе им?.. Первый аул по всей округе... Возьми его, — всё остальное смирится... Только одуматься надо»... Он пошёл к своему месту в скалах. Дорога что, — дорогу он и оцупью найдёт... Дорога — пустое дело. К рассвету-то

он в Чёрной балке будет... А пока здесь хватятся, и в лесу схоронится... Дело самое пустое... Да далеко за ним идти побоятся... У себя теперь будут оборону готовить...

Он всмотрелся в мрак, расстилавшийся перед ним... Теперь в нём всё пропадало — и вершины, и горы, и ущелья... Одни звёзды сияли в небесах... Вон одна покатилась, оставив лёгкий след на мгновение... Но — что это?... Точно примерещилось что-то на одной из вершин... Нет, пониже... Да — это на горной плоскости, верстах в десяти отсюда... Он знает это место. Днём его видел... Точно огоньки... Блеснут и пропадут... Ещё блеснули, остались... Опять занесло их будто облаком. Не звёзды же небесные пали туда?.. Нет, разумеется... Аула там отродясь не бывало. Чему же там гореть... Неужли наши костры?.. Они и должны быть... Близко-близко, значит, свои... Вон куда им надо навстречу. Только как же они разбили там лагерь, — ведь на высоте аул около. Днём его видно было. На его плоских кровлях и белых саклях утренняя заря всегда розовыми лучами играет... Да-да... Вон он. Нет, не дали наши промаха... Запылал аул...

Далеко — выстрелов не слышать, — а видно, как огонь бежит по слепившимся саклям вверх; ишь вытянулся тонким языком, — обвился, должно быть, вокруг минарета мечети... Ну, теперь и Степан, уходи! Ждать добра нечего!..

Он тихо стал на колени...

— Господи!.. Спаси... «Да воскреснет Бог и расточатся врази его... И да бежат от лица Его ненавидящие Его... Яко исчезает дым, тако да исчезнут»... Как дальше?.. Всё равно: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих, помилуй мя!..»

Он в последний раз взглянул на спящий аул...

Только в сакле муллы у мечети мелькал огонёк... Всё остальное пряталось в непроглядную тьму...

— Прощай, Салты!..

И он тихо пополз вниз знакомою тропинкою, которою так часто спускался за водою... тихо-тихо. Так тихо, что даже шорох цепей о выступы камня слышался только здесь, у самого уха... А дальше внимательный слух не отличил бы его в задумчивом молчании гор-

ской ночи... Ступеньки... Он их хорошо знает. Сколько ходил по ним, — не оступиться бы теперь... Но ни один камешек из-под ног не полетел вниз... Днём Груздев, зажмуря глаза, мог бы пройти... А тут чувство опасности ещё обострило все его ощущения... Что это за шорох около?.. Сухой шорох. Змея лежала, должно быть, на нагретом камне — и теперь в колючки заползла от него... Внизу далеко-далеко что-то ухнуло; — кабана, верно, спугнуло, и он ринулся в чащу... А звон цикад всё громче и громче, и сквозь него слышится теперь меланхолический ропот фонтана. Точно этой безмолвной и грустной ночи жалуется и плачет вода... Вот и фонтан. Степан подставил голову его освежающей струе... Фу, как хорошо!.. Напился потом. Присел у бассейна. Сколько раз горские девушки вместо себя посылали его сюда... Бабье дело сполнял он, что ж!.. Всякая работа — благо перед Господом. Теперь, коли Бог услышит его молитву, — Груздев опять будет между своими... И ружьё возьмёт, и покажет, что он не забыл ещё службы... Он отыскал большой камень и поднял его. Положил ногу с цепью на другой и

изо всей силы ударил по звену... По третьему разу оно хрупнуло и распалось... Одна нога была свободна. Теперь ему легче будет идти. В руках понесёт железо. На другой ноге цепь он собьёт вниз. И без того этот удар пронзительно и визгливо раздался в теснине. Ещё чего доброго услышит Гассан вверху, проснётся и поймёт, что это вскрикнуло железо под камнем... Пойдёт посмотреть, что делает пленник, — ан его и нет. Широко и истово перекрестился Степан и шибко-шибко пошёл вниз...

Теперь старому солдату ни до чего не было дела.

Он срывался с камней и удерживался на других; иной раз земля точно уходила у него из-под ног... Случалось катиться там, где было мягко, и он даже радовался этому — на ногах так быстро не сползёшь, а каждое мгновение всё больше и больше увеличивало расстояние между ним и «нехристью», оставшеюся позади. Сползая, ему случалось попадать в колючки. Они рвали ему тело, царапали лицо, вонзались в руки, но пока некогда было обращать внимания на это... Он как преследуе-

мый волк отлёживался в чаще, в траве, в кустах. Кругом мрак тысячами слепых глаз смотрел ему в душу, — и он сам смотрел зрячими, но ничего не видевшими в этот мрак... Во все стороны, потревоженные в надёжных убежищах, расползались змеи... Некоторые в темноте шипели... Каждую минуту любая гадина могла его ужалить насмерть, он даже изредка чувствовал её характерный мускусный запах, — но путаться, осторожничать было некогда. И Степан, отлежавшись, полз всё дальше и дальше... Сколько времени прошло, много ли осталось ночи? Почём он знал? Ему надо было уйти как можно дальше, и, пока мрак этот спасительно висел над ним, он знал, что безопасен от человека. А человек здесь являлся для него врагом, опаснее и ужаснее всякой змеи и дикого зверя. Чу... В темноте что-то зарыдало, завопило, застонало... Чекалки пробежали куда-то... Заплакал филин вверху, засмеялась горская птичка одна, которую Груздев часто слышал по ночам, но никогда её не видел. Он знал только, что лезгины считали её «сестрицей шайтана», но Груздев, боявшийся русского чёрта, — лезгин-

ского шайтана просто презирал и был спокоен. «Что он, дурак, может крещёной душе?» — говорил он. Что-то чёрное, громадное зашуршало вверху, в листве. Но тут уже Груздев опять выбился к воде и понял, что он внизу у потока, пробегающего по ущелью. В это ущелье могуче упёрлась гора, носящая на своём темени аул Салты. Живо сделал беглец эту дорогу, так живо, что и сам подивился и только теперь понял, что он устал и очень... Он нашёл два камня, — разбил цепь на другой ноге и теперь два её конца подвязал к поясу, вокруг которого шёл большой железный обруч. Он прилёг к песчаной промоине. Струйки в перегонку бежали мимо, булькая, всхлипывая, радуясь и плачась в одно и то же время как ребёнок, засыпающий в колыбели...

Степан Груздев сообразил, что у него есть несколько минут на отдых.

Вверху ни одна собака не залаяла, — значит, его побег не открыт, его не заметили, и тревога не поднялась в ауле.

Тут внизу густо лежал туман. Ноги ныли, и он вытягивал их перед собою, разминая в коленях. Исцарапанное тело болело, изорван-

ные колючками руки тоже... Но руки и тело, Господь с ними! Вот ноги — иное дело... Без ног далеко не уйдёшь, — а идти надо, и скоро надо идти... Был бы айран, — он бы натёр им икры и колени... Или, если бы в темноте можно было разглядеть сумах. Да его, пожалуй, и нет здесь внизу... Сумах весь у скал наверху растёт. Он любит почву, насквозь сожжённую солнцем!.. Кстати Степан вспомнил, как казаки лечат своих загнанных, усталых и севших на ноги коней. Они ставят их на несколько времени в текучую воду. Не поможет ли и ему то же самое? Груздев, долго не думая, спустился в воду. Струйки бежали, лаская изодранную кожу его тела, тихо и нежно лаская... Бодрящий холодок охватывал его тело, и солдат чувствовал, как что-то свежее, прилив какой-то силы снизу вверх разливается по всем его жилам и нервам. Беглец испытывал, как усталость сама уходила прочь, и через несколько минут бодро уже перешёл через поток и двинулся в сплошную чащу леса перед ним... Когда вверху он уже мог различить очертания лесных вершин, следовательно, — ночной мрак уже поддавался первому про-

буждению рассвета, — Степан оглянулся. Опасные места остались позади. В обычное время эта балка страшна была бы, но не теперь, когда горцы дома, и у себя ждали русских, и готовились к обороне... Разве разбитые и бежавшие из других аулов могли бы забраться сюда, — но и то едва ли. Им путь лежал в другую сторону, совсем в другую, им незачем было соваться в эти места. Здесь они столкнулись лицом к лицу с русскими...

— Ах, скорее бы до своих добраться!.. Скорее бы...

Он знал, что для наших будет неоценённо его знание гор и подступков к Салтам. Он торопился не только выйти из смертельной опасности, но и сослужить службу... Он считал теперь часы и минуты... Всё, что ещё несколько дней назад казалось ему несбыточным сном, невозможным счастьем — теперь становилось близкою-близкою явью... «Наши, наши», — повторял он про себя, и от этого слова силы его удваивались, и он всё быстрее и быстрее шёл вперёд.

Подымаясь на один откос, когда солнце уж горело на вершинах гор, он оглянулся.

Салты выступали в розовом блеске. Плоские кровли аула сверкали как ладони, подставленные солнцу. Вон мечеть с зелёным куполом и белым минаретом. Теперь схватились его, кличут, ищут. Старик Гассан, впрочем, не особенно сокрушается. Он, поди, радуется. Не гляди, что пленный, — кунаками были... Не особенно сладко кунаку на площади джамаата собственноручно другу голову рубить... А ведь пришлось бы...

— Ну, да теперь поглядим. Сам у меня «аману» запросит!.. — и он усмехнулся. — Девчонок надо от беды вызволит, а тех, бритолобых, пущай, чтоб на джамаате, негодные, не галдели...

Не замечая голода, он шёл всё вперёд и вперёд. В полдень поел каких-то ягод, корней выкопал, — пожевал... Вечером русский отряд был уже близко. С одной из гор увидел Груздев тёмную массу солдат на походе. Когда стала ночь, вдали перед ним вдруг сверкнули костры, и послышалось ржание лошадей... Степан кинулся туда...

— Свой... Не стреляй! — ещё загодя он кричал часовым.

— Как свой?! — донеслось до него по ветру.
— Свой... Солдат... Из плену ушёл... Свой...
И непрошеные слёзы катились по серому,
огрубелому лицу Груздева...

1902